

А. М. Соколов

Особенности жизненного уклада населения северо-восточной области Хонсю, занимающегося охотой

Исследование посвящено малоизученной в российской этнографии теме – охотникам региона Тохоку матаги. Данная тема заслуживает внимания, поскольку затрагивает целый пласт культуры, связанной с историей Японии. Она проливает свет на своеобразие торговой деятельности японских княжеств, располагавшихся в средние века на северо-востоке Хонсю, касается сложных межкультурных связей японцев и айнов. Обзор некоторых обычаев, имевших отношение к охоте, языка, а также предметов материальной культуры охотников, наглядно демонстрирует их специфику и необходимость дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Тохоку, медведь, яма-но Kami, матаги

Andrey M. Sokolov

Peculiarities of life style of the hunting people of the north-eastern region of Honshu island

The study is dedicated to an under-investigated subject in the Russian ethnography, i. e. hunters of the Tōhoku region – the matagi. The aforementioned subject is especially noteworthy since it touches upon the whole layer of culture connected with the history of Japan. It sheds a new light on the originality of commercial activities of the Japanese domains situated in the north-east of Honshu island in the Middle Ages, and concerns complex intercultural relations between the Japanese and the Ainu. Moreover, the overview of some hunting-related customs, the language and artifacts of hunters vividly demonstrates the specific character of this category of population and the necessity of further investigation thereof.

Keywords: Tohoku, bear, yama-no kami, matagi

Островное государство Япония имеет сложную этническую историю, которая уходит корнями в глубину веков и связана как с древнейшими местными культурами каменного века, так и с более поздними континентальными традициями. Поэтому, с самого начала формирования японского этноса, важной составляющей которого явились носители культуры яёй (III в. до н. э. – III в. н. э.), для различных регионов Японии стало характерным культурное своеобразие.

Межрегиональные отличия нашли отражение, прежде всего, в образе жизни местного населения и их хозяйственном укладе. Так, например, обычаи туземцев северо-восточной области Хонсю – Тохоку, а также Хоккайдо, отличались от обычаев обитателей других областей. Уже на стадии зарождения раннефеодальной государственности японцев (VI–VII вв.), по всей видимости, отличия эти проявлялись довольно существенно.

В письменных источниках VIII в. «Кодзики» («Записи о делах древности») (712 г.) и «Нихонсёки» («Анналы Японии») (720 г.) исконные обитатели Тохоку фиксируются под названием эмиси или эбису. В историко-географических описаниях древней Японии, известных как **фудоки**, встречаются и другие названия.

Постепенно, в ходе завоевательных походов японцев против эмиси, активизировавшихся с VIII в., северные территории стали переходить в управ-

ление японских аристократических фамилий. При этом нередко происходила «эмисизация» удельной аристократии – она становилась независимой от центральной власти¹.

В 1189 г. один из самых могущественных родов северо-восточной Японии – род Фудзивара, был устранен основателем камакурского сёгуната Миномото Ёритомо. Эмиси с этого времени начали перебираться на Эдзо (Хоккайдо). Те, кто остался на пограничных с японцами территориях, большей частью ассимилировались². Территория Тохоку оказалась в руках сторонников сёгуна, а в эпоху Эдо (1603–1868 гг.), когда было установлено централизованное управление страной, отошла таким фамилиям, как Сатакэ (княжество Кубота (Акита)), Цугару (княжество Хиросаки (Цугару)), Намбу (княжество Мориока), Датэ (княжество Сэндай), Уэсуги (княжество Ёнэдзава).

Время упадка эмиси совпало с периодом формирования айнского этноса – эмиси принимали в нем непосредственное участие. Если область проживания первых значительно сузилась, то вторые, напротив, расселились на Хоккайдо, Сахалине, Курильских островах, а кроме того, обосновались и в Тохоку. Японцев устраивало соседство с айнами, так как удалось наладить с ними выгодные торговые отношения и получить возможность извлекать значительную прибыль.

Известно, что в период Эдо князя Северо-

Восточной Японии получали от айнов акулий жир, жемчуг, морские ушки, морскую капусту, морских котиков, различных морских птиц, а также медвежьей шкуры, отдавая взамен рис, сакэ, табак, лакированную утварь, одежду. Однако поставщиком некоторых товаров, таких как медвежьей шкуры, являлись не только айны. На охоте специализировались кроме них японцы, проживавшие изолированно в горных районах Тохоку и известные под названием матаги. Селились матаги отдельно от крестьян небольшими общинами, охотились, главным образом, на медведей, серно-коз, кабанов. Свободное от охоты время отводили рыболовству и сельскому хозяйству. Источник происхождения названия матаги точно не установлен. Предполагается, что слово это имеет айнские корни. По крайней мере, в айнском языке есть слово **матанки**, которое означает «охота». Несомненно, что становление матаги проходило под сильным влиянием со стороны айнского населения.

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной литературе довольно подробно освещаются различного рода вопросы, связанные с историей айнов и их предков. Учеными разработана периодизация культур Северо-Восточной Японии, намечены основные вехи их развития. Однако роль матаги в историческом процессе Тохоку обозначена лишь вскользь. Большинство работ ограничивается описанием их быта и традиций. Основная часть исследований по матаги принадлежит японским ученым (Мото Тэцудзэ, Тагути Хироми, Танака Ясухиро, Мураи Ёнэко, Такахаси Бунтаро). Есть ряд публикаций в англоязычной литературе, например, статья доцента Университета Айовы Скотта Шнелла. В России специальные работы по матаги отсутствуют, за исключением отдельных упоминаний в публикациях С. А. Арутюнова и некоторых других ученых, занимающихся историей и этнографией Японии. Поэтому изучение матаги является актуальным, и тема эта, думается, займет в отечественной этнографии надлежащее место.

Территориально область проживания матаги в настоящее время ограничивается префектурами Акита, Аомори и Иватэ. До начала XX в. она была несколько шире и включала в себя префектуры Ниигата, а также Ямагата³. Известно, что матаги префектуры Акита до эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.) поставляли клану Акита медвежьей печени в качестве лекарственного препарата. После революции Мэйдзи (1866–1869 гг.), когда система княжеств была упразднена, матаги начали сами торговать вразнос лекарственным снадобьем и в настоящее время успешно распространяют его во всех концах страны⁴.

Важным источником дохода для матаги, как отмечалось выше, издавна являлась торговля медвежьими шкурами и мясом. Однако приблизительно

с начала эпохи Сёва (с 1926 г.) на внутренний рынок Японии из-за границы стал поступать большой поток меховых изделий и шкур, цена же на мясо значительно упала. С этого времени деятельность матаги стала приходить в упадок, а территория их проживания сократилась.

Интересно, что у айнов, в отличие от матаги, были свои самобытные методы охоты. Например, они часто использовали отравленные стрелы. Вопрос о наличии отравленных стрел у матаги пока остается открытым. Достоверно можно лишь указать на то, что широкого распространения они не получили.

Сведений о существовании матаги на Хоккайдо нет. В последнее время медвежья охота осуществляется здесь обычными охотниками с целью обеспечения безопасности жителей городских и сельских районов⁵. Изолированное существование матаги в течение длительного времени в особых географических и климатических условиях, а также специфический хозяйственный уклад повлияли на формирование самобытной культуры, которая до сих пор сохраняется представителями старшего поколения, большей частью в своем первоначальном виде. В поселении Саваути префектуры Иватэ существует даже специальный музей, где представлены традиционная одежда охотников, их орудия охоты, предметы быта. Кратко охарактеризуем наиболее важные из них.

Отправляясь в горы на охоту, матаги облачались в одежду, которая, с одной стороны, позволяла быстро передвигаться по труднопроходимым районам, с другой – защищала от снега, холода, а также внешних повреждений. Одежда эта, в зависимости от региона, отличалась незначительно. Так, голову, как правило, охотники повязывали сложенным пополам отрезом ткани **даботти**, верх которой надевали плетеную из осоки шляпу **амабута**. Плечевая и поясная одежда включала в себя нательную рубаху из хлопчатобумажной или пеньковой ткани **бото**, стеганую куртку **мидзика**, накидку из шкуры кабана или серно-козы **кигава**, пеньковые шаровары **матагибакама**⁶. На руки, кроме всего прочего, одевали хлопчатобумажные или пеньковые нарукавники **тэккяси** и меховые рукавицы **тэкурикэяси**, а на ноги – носки **агу-домаги** (из того же материала, что и нарукавники), наколенники **хабаки**, а также соломенные сандалии **симаго** либо обувь из кабаньего меха **кэтаби (таби)**⁷. Следует отметить, что шаровары, нарукавники и наколенники снабжались тесьмой, которую крестьяне обычно завязывают узлом. Матаги же узлов никогда не делали. Вместо этого тесьму несколько раз обвязывали и особым образом поджимали. В противном случае она намокала от снега, и ее трудно было развязать.

К настоящему времени одежда матаги претер-

пела некоторые изменения. В качестве обуви, например, нередко используются резиновые сапоги. Вместо накидок из шкуры кабана в обиход вошли накидки из шкуры собаки⁸.

Основным орудием охоты на медведей у матаги являлись копыя **татэ**. Как правило, их использовали в тот момент, когда медведь неповоротлив и слаб, а именно, в глубоком снегу у входа в берлогу. Результативным считался удар в шею⁹. Рукоять копыя делалась из дуба пильчатого, либо клена мелколистного. К ней прилаживался самодельный металлический наконечник. Единого стандарта в форме наконечников не было. Они могли быть плоские, ножевидные или треугольные в сечении. В целом, копые получалось довольно массивным.

В охоте на серно-коз эффективными считались веслообразные палки **конагай**, изготовлявшиеся из клена мелколистного и представлявшие собой аналог дубинки. С появлением ружей **конагай** отошли на второй план и стали использоваться реже.

Следует отметить, что распространение ружей послужило также поводом отказаться от луков – они вышли из обихода во второй половине эпохи Эдо. Интересно, что ружья тогда запрещалось иметь крестьянам, матаги же, подносявшие двору медвежью печень и шкуры, имели особое разрешение на хранение и использование огнестрельного оружия. Хотя вначале ружья были фитильные – ненадежные и малоэффективные, постепенно их место заняли усовершенствованные образцы. Вместе с ними в обиход вошли и специальные формы для отливки пуль, пороховницы и прочие сопутствующие аксессуары¹⁰. В настоящее время некоторые охотники используют двуствольные ружья со снайперскими прицелами¹¹.

К вспомогательным орудиям охоты у матаги относились широкие однолезвийные ножи **нагаса**. Чаще всего их использовали для того, чтобы потрошить добычу, срезать при необходимости ветки или деревца¹². Интересно, что рукоять могла быть в виде металлической трубки. Такая конструкция позволяла при необходимости использовать нож в качестве наконечника копыя. Сейчас аналогичные ножи производятся в Акита и называются **фукуро-нагаса** или **матаги-нагаса**¹³.

Для разделки туши матаги прибегали еще к небольшим ножам **кайтай-найфу**, называя их по-айнски **макири** или **коёри**. Лезвия у них затачивались с одного края и нередко были меньше, чем рукоять. По форме такие ножи действительно напоминали айнские **макири**.

Поскольку охота осуществлялась главным образом зимой, существенным препятствием для охотников являлся снег¹⁴. В горах по глубокому снегу можно было сравнительно быстро передвигаться лишь при помощи снегоступов, как это делали айны. Известно, что матаги использовали

кольцеобразные снегоступы **канрики**, напоминавшие айнские¹⁵. При длительных переходах участники охоты останавливались в небольших горных домиках для ночевки и отдыха, иногда устраивали временные стоянки прямо в снегу. Убежища в виде ям, отрытых в снегу, назывались **носоку**. Они были не очень комфортными, но хорошо защищали от холода¹⁶.

Одним из видов дополнительного заработка для матаги являлся рыбный промысел. Используя сети, запруды и различного рода приспособления, матаги промышляли гольца, горбушу, бычков. Примечательно то, что один из способов рыбного промысла напоминал айнский, он осуществлялся при помощи остроги (яп. **мори**) и факелов (яп. **таймацу**) и назывался **хибури**. Факелы изготовляли из сухих веток, которые собирали предварительно в горах. Эти ветки связывали в небольшие пучки, зажигали и подносили к поверхности воды. Рыба выплывала на свет, после чего ее кололи острогой. В настоящее время вместо факелов **таймацу** матаги используют ручные жестяные лампы¹⁷.

Отдельного внимания заслуживают религиозные представления, суеверия и некоторые обычаи матаги. Наиболее существенную роль в местных культурах играло божество гор **яма-но ками**, от которого, по поверьям охотников, человек получал добычу¹⁸. В конце уходящего года начале следующего матаги устраивали своего рода праздник – работу откладывали, к домашнему алтарю божества подносили саэ и произносили молитвы. Если по стечению обстоятельств какие-то охотники в день почитания **яма-но ками** оказывались в горах, то чествовали божество в небольших горных хижинах – **ямагоя**. Такие хижины имелись в Акита, к примеру, близ перевала Дайкакуно. Не только матаги, но лесорубы и угольщики, работающие в горах, в тот день также уединялись в **ямагоя**¹⁹.

В настоящее время матаги живут не изолированно, а в деревнях среди сельских жителей, поэтому принимают участие и в общественных мероприятиях. К таким мероприятиям относится почитание синтоистских божеств местных святилищ²⁰.

Касательно охоты, каждый член общины неукоснительно следовал установленным правилам, нарушение которых каралось наказаниями. Так, в конце января категорически запрещалось жарить бобы. Считалось, что, если нарушить табу, из-за шума растрескивающихся зерен в горах произойдет снежный обвал. Зато в конце весны бобы наделялись магической силой и их охотно жарили²¹. Кроме этого, отправляясь зимой в горы, матаги никогда не брали с собой перец. Они полагали, что перец содержит в себе жар, поэтому способен растопить снег и привести к обвалу.

Пока матаги находились в горах, члены их семей посещали святилище и молились, чтобы

охота была удачной и без происшествий. Детям запрещали играть в прятки. В противном случае, полагали матаги, животное, которое выслеживают охотники, спрячется²².

Следует отметить, что у матаги издавна существовала своя профессиональная форма общения, своего рода язык, наделявшийся сакральным значением и использовавшийся в горах. Известно, что язык этот включали в себя видеоизмененные айнские слова. Количество слов в профессиональном языке достигало нескольких сот. На письме они записывались слоговой азбукой **катакана**²³. Так, медведя например, матаги называли **итати**, что на японском языке означает «колонок», рисовые лепешки – **татами**, одежду – **каппо**. Что касается примера заимствования айнских слов, то ножи для разделки туши **кайтай-найфу**, как отмечалось выше, были известны под названием **макири**, а питье – **вакка**²⁴. Нередко названия одних и тех же объектов у разных групп матаги различались. Это было обусловлено принадлежностью к той или иной школе. Наиболее известными школами считались **кодама**, **аваба** и **сигэно**²⁵.

В начале XX в. профессиональный язык практически вышел из употребления, и к настоящему времени тех, кто полностью его понимает, осталось мало. В обществе матаги существовала профессиональная иерархия, которая определялась главным образом наличием соответствующего уровня в умении выслеживать зверя и выживать в трудных условиях. Опыт приходил с годами, поэтому во многом положение человека зависело от возраста.

Мацухаси Токиюки – матаги из области Ани префектуры Акита рассказывал, что в 13 лет он начал исполнять обязанности загонщика. Он должен был научиться хорошо ориентироваться в горах, приучиться к различным методам охоты и выработать в себе особое чутье. Лишь спустя 30 лет Токиюки стал предводителем **сикари**, пройдя суровые испытания²⁶.

Одним из важных навыков было умение стрелять из ружья. По словам Токиюки, настоящий охотник никогда не стреляет впустую, если стреляет, то точно, сохраняя при этом внутреннее спокойствие²⁷. Следует обратить внимание на тот факт, что матаги, в отличие от айнов или обычных охотников, на охоте чаще всего обходились без собак. Токиюки заявлял, что собак у них с давних пор никто на охоте не использовал. По словам охотника, собака своим поведением, и прежде всего лаем, выдает местонахождение матаги. Кроме того, бывали случаи, когда медведь, почуявший собаку, убегал. Сам матаги должен был выработать в себе такое чутье, чтобы мог свободно обходиться без собак²⁸.

Охота на медведя начиналась поздней осенью с наступлением первого снега, когда медведи готовятся к зимней спячке, и продолжалась до начала

весны. Первый этап охоты заключался, собственно, в поисках животного.

На поиски медведя чаще всего в горы отправлялось несколько человек. С медведем можно было встретиться неожиданно, поэтому все участники брали с собой ружья²⁹. Обнаружив район, где находится животное, они разрабатывали план охоты.

Важная роль в разработке плана отводилась предводителю **сикари**. Он оценивал обстановку, обдумывал методы охоты, наиболее подходящие при сложившейся ситуации, оценивал возможности каждого из членов группы и распределял между ними обязанности.

В том случае, если местонахождение медведя **кура** было установлено точно, матаги окружали его, выманивали из берлоги и после этого убивали³⁰. Если на медведя охотились, когда тот уже вышел из берлоги, использовали другие методы. Например, заманивали животное под вязанку из стволов бамбука, на которую предварительно помещали тяжелые камни, устраивали засады.

Распространенный метод, где важно было грамотно сделать засаду, назывался **макикари**, или **макияма**. В нем принимали участие около 5 человек. Между участниками строго распределялись обязанности. Как правило, трое из пяти человек выполняли функцию стрелков. Их называли **тадимаэ**, **буппа**, **бумпа** или **мацумаэ**. Поскольку предводитель обязан превосходно стрелять, то чаще оказывался среди стрелков. Кроме этого, один человек становился наблюдателем **мукай-маттэ** и один загонщиком – **хиго**, **сэко** или **нари**³¹.

Стрелки занимали заранее приготовленные позиции на небольшой возвышенности. Предводитель располагался в центре, а двое других стрелков по бокам. Задача загонщика заключалась в том, чтобы выгнать медведя на огневую позицию. Для этого он начинал кричать, пугать медведя, после чего тот должен был броситься по направлению к стрелкам. Когда **тадимаэ** слышали звук приближающегося медведя, один из них дул в флейту **особики**, и медведь приостанавливался. После этого в него стреляли³².

В случае удачной охоты тут же в горах матаги устраивали обряд **кэбокай** – сдирали соответствующим образом шкуру и разделяли тушу³³. От того, каким образом снимали шкуру, зависела ее стоимость, поэтому процесс снятия шкуры был очень важным делом³⁴. После **кэбокай** осуществляли обряд **мотигуси** – жертвоприношение божеству гор **яма-но ками** кусков поджаренного тут же мяса, а затем делили тушу животного между собой. В зависимости от той роли, которую выполнял матаги на охоте, ему доставалась та или иная часть. Как правило, тот, кто выстрелил первым, получал голову медведя³⁵.

Кроме всего прочего, охота была индивидуаль-

ная, где успех или неудача зависели исключительно от самого участника охоты. Степень риска погибнуть в схватке с животным здесь был наиболее велика. Однако обнаружить медведя в одиночку было очень сложно, поэтому индивидуальная охота осуществлялась крайне редко³⁶.

Жизненный уклад матаги сейчас претерпел некоторые изменения. Так, например, жители деревни Арасэмура значительную часть времени занимаются обработкой земли, некоторые молодые люди каждый год отправляются подрабатывать на Хоккайдо. Пожилые матаги вследствие ужесточившихся законов по отстрелу крупных животных вынуждены охотиться не только на медведей, но также на зайцев и других мелких пушных зверей³⁷.

Важной задачей для матаги является сохранить преемственность поколений – передать молодым умение охотиться, понимать древние традиции и следовать им. В современных условиях, где жизненно важной необходимости в охоте нет, это сделать трудно.

Способствует сохранению культурного наследия охотников отчасти повышенный интерес со стороны ученых. Все больше и больше появляется научных статей и монографий, все больше историки пытаются определить роль матаги в культурно-историческом процессе северо-восточного региона Японии. Думается, что в будущем удастся сделать еще много открытий, связанных с деятельностью матаги и обнаружить близкие связи с айнами.

Примечания

¹ Косарев В. Н. «Изначальные»: складывание древнеяп. государства как полиэтн. процесс // Вестн. Сахалин. музея. Южно-Сахалинск, 2010. № 17. С. 146.

² Kikuchi Isao. Ainu minzoku to nihonjin: higashi ajia-no naka-no ezochi. То:кью;, 1999. P. 54. Пер. на рус. яз.: Кикиути Исао. Айнская народность и японцы: земли Эдзо внутри вост.-азиат. региона. Токио, 1999. С. 54.

³ Kikuchi Isao. Op. cit. P. 37. Значительная часть матаги теперь проживает в северной части префектуры Акита – районах Китаакита, Сэмбоку и Ани. В районе Ани, например, насчитывается около 120 человек. Некоторые имеют в своем роду не одно поколение (Ibid. P. 36).

⁴ Takahashi Buntaro. Akita matagi shiryō: // Sanka to matagi shiryō: shyu:sei I. То:кью;, 1989. P. 312. Пер. на рус. яз.: Такахаси Бунтаро. Материалы по культуре матаги Акита // Сборник материалов по культурам матаги и санка. Токио, 1989. Вып. 1. С. 312.

⁵ Kaizaki Kei. Yamahitotachi-no fu. То:кью;, 1986. P. 16. Пер. на рус. яз.: Каидзакэ Кэй. Истории, поведенные обитателями гор. Токио, 1986. С. 16.

⁶ Иногда поясницу прикрывали куском шкуры сикикава. Такие шкуры, помимо матаги, носили дровосеки и рабочие на рудниках.

⁷ Kaizaki Kei. Op. cit. P. 45; Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 306.

⁸ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 306.

⁹ Amano Takeshi. Mingu-no mikata-kokoro to katachi. То:кью;, 1983. P. 152. Пер. на рус. яз.: Аmano Такэси. Взгляд на народную утварь «душа и форма». Токио, 1983. С. 152; Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 301.

¹⁰ Amano Takeshi. Op. cit. P. 152.

¹¹ Jinruigaku ko:za 12, seitai. То:кью;, 1977. P. 100. Пер. на рус. яз.: Собрание статей по антропологии. Токио, 1977. Вып. 12. С. 100.

¹² Amano Takeshi. Op. cit. P. 153; Jinruigaku ko:za. P. 103.

¹³ Rakuten Global Market: Japan's № 1 Shopping Site / Rakuten, Inc. 1997–2012. URL: <http://www.rakuten.co.jp> (дата обращения: 16.11.2012).

¹⁴ Следует сделать оговорку, что были такие матаги, которые зимней охоте предпочитали весеннюю. Назывались они харуматаги (Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 317).

¹⁵ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 306.

¹⁶ Ibid. P. 307, 316.

¹⁷ Ibid. P. 310.

¹⁸ Kaizaki Kei. Op. cit. P. 38.

¹⁹ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 305.

²⁰ Ibid. P. 306.

²¹ Ibid. P. 304.

²² Ibid. P. 315.

²³ Kaizaki Kei. Op. cit. P. 42.

²⁴ Ibid. P. 44.

²⁵ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 317.

²⁶ Kaizaki Kei. Op. cit. P. 39.

²⁷ Ibid. P. 40.

²⁸ Ibid. P. 39.

²⁹ Jinruigaku ko:za. P. 100.

³⁰ Ibid. 101. Подойдя к берлоге, охотники делали рогатину кандзэ и просовывали ее внутрь. Если медведь находилось внутри, то чаще хватал ее. Убедившись, что животное на месте, сооружали у норы преграду томэги (Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 318). Преградой могла служить решетка из толстых деревянных брусьев, связанных веревкой, либо валежник. Когда медведь пытался преодолеть томэги, пускали в ход копыя. Бывали случаи, когда медведь прятался в дупле дерева на большой высоте. Тогда поджигали тряпку с завернутой в нее серой и при помощи длинной палки закидывали туда. Медведь выпрыгивал из дупла, после чего в него стреляли (Jinruigaku ko:za. P. 103).

³¹ Jinruigaku ko:za. P. 101, 102.

³² Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 318.

³³ Ibid. P. 308.

³⁴ Kaizaki Kei. Op. cit. P. 37.

³⁵ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 308, 318.

³⁶ Jinruigaku ko:za. P. 102.

³⁷ Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 314. Каждый год охотникам необходимо получать лицензию на охоту. Эти лицензии выдаются префектуральными властями. Официальное разрешение охоты вступает в силу с 15 ноября и действует до февраля. В это время матаги прекращают всякого рода занятия, и их внимание сосредотачивается на охоте (Kaizaki Kei. Op. cit. P. 37; Takahashi Buntaro. Op. cit. P. 304).